

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ ТАМБОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

УДК 82.09.001.8

ШОЛОХОВЕДЕНИЕ МАТЕРИАЛЫ К ЭНЦИКЛОПЕДИИ

© **Лариса Васильевна ПОЛЯКОВА**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, член Союза писателей России, e-mail: ruslit09@rambler.ru

© **Наталья Владимировна СОРОКИНА**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, e-mail: sorok_tam@rambler.ru

Коллектив Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН, специалисты других научных центров и вузов России завершили работу над «Шолоховской энциклопедией». Она представляет собой первый и уникальный опыт науки о Шолохове в концептуальном энциклопедическом описании жизни и творчества классика русской литературы. Издание труда намечено на середину 2013 г. Для написания фундаментальной статьи «Шолоховедение» были приглашены доктора филологических наук, профессора ТГУ имени Г.Р. Державина Л.В. Полякова и Н.В. Сорокина. В процессе работы над статьей авторы собрали, систематизировали большой материал и изложили свои представления об эволюции отечественного шолоховедения в период 1924–2012 гг. «Вестник Тамбовского университета» предлагает вниманию читателей полный вариант исследования.

Ключевые слова: отечественная школа шолоховедения; систематизация научного знания; периодизация; достижения и открытия; дискуссионные вопросы; задачи и перспективы.

Шолоховедение – развивающееся явление литературной жизни 1920–2000-х гг., яркая страница отечественного и зарубежного литературоведения. Представляет собой персоналистический вектор науки о литературе, связанный с изучением творчества М.А. Шолохова с первых откликов на его произведения до наших дней и в перспективе. Формируется с 1924 г., включает прижизненную литературную критику, литературоведческие труды историко-литературного, литературно-теоретического характера, проблемно-аналитические исследования творческого наследия писателя в полном его объеме, описание некоторых социокультурных реалий общественной деятельности писателя. Опирается на принципы концептуального литературоведения, публикаторскую и комментаторскую деятельность ученых, библиографическую работу. Совершенствуется в процессе творческой полемики вокруг про-

дуктивных вопросов наследия создателя монументального «Тихого Дона». Методологический плюрализм, гносеологическая разнообразность современной науки о Шолохове, индивидуальная методология, разработанная крупными учеными, обеспечивают свободу научного поиска и творческих дискуссий, многообразие концепций, пунктуальность оценок. Объединяет широкий спектр проблематики: философский, религиозный, онтологический, эстетический, историко-литературный и историко-культурный контексты; вопросы нравственности, духовности и характерологии, жанрологии, общей и структурной поэтики, языка, все, что позволяет всесторонне исследовать творческую индивидуальность писателя.

На всем протяжении существования, на разных этапах, шолоховедение во многом отражало общее состояние литературоведения и было мерой измерения его уровня. Да-

же в период конца 1980-х – начала 1990-х гг., когда науку о литературе захлестнула волна терминологического бума и хаоса, оно сохраняло классический академизм. Самостоятельные разделы отрасли представляют подготовка и издание справочной и биобиблиографической литературы, объединяющей летопись жизни и творчества писателя, историю изданий его произведений, библиографическое описание научной литературы, в т. ч. диссертаций, прежде всего докторских.

В информационно-аналитической статье «Шолоховедение» внимание обращено в основном на те события, факты и издания, которые сегодня позволяют восстановить магистраль его развития, обозначить основные вехи. Анализ направления движения науки целесообразно связать с ее *задачами и перспективами*. В начале 1960-х их подробно изложили В. Гура и Ф. Абрамов [1]. Их формулировка научно-исследовательских потребностей шолоховедения пятидесятилетней давности во многом остается актуальной и сегодня. Однако в последние десятилетия, прежде всего с начала 2000-х гг., сформировались и иные задачи, проблематика, требующая неотложного решения. Прежде всего, необходимо издать аутентичные тексты «Тихого Дона» и «Поднятой целины» с подробными комментариями, несмотря на выход научных прокомментированных изданий [2; 3]. Располагают к продолжению научно-исследовательской конкретики и целостных обобщений вопросы родовой и жанровой природы шолоховской прозы, ее связи с народной культурой, с традициями классического литературно-художественного эпоса. Претендует на фундаментальный анализ как самостоятельная и перспективная проблема мирового значения Шолохова состояние отечественной и зарубежной науки о писателе. Имеющихся разрозненных и кратких работ этого плана недостаточно. С учетом специфики развития современной гуманитаристики на современном этапе шолоховедцам предстоит фундаментально разработать и вопрос не только о поисках взаимосвязи шолоховской прозы с разными видами искусства, расширить и углубить уже имеющиеся разработки в этом плане, но и самой науке о творчестве Шолохова необходимо установить системные межкоммуникативные контакты с разными направлениями искусство-

ведения. Сегодня в условиях, когда, с одной стороны, в гуманитарных науках повышен интерес к местнографии, «хронотопической образности», с другой – современный гуманитарный истеблишмент формируется во многом с учетом активизировавшихся к концу XX столетия процессов глобализации, в т. ч. гуманитарного знания, нивелирования национальной и идеологической сущности искусства, остается чрезвычайно востребованным и еще один путь исследования художественного эпоса и новеллистики Шолохова, локально-исторический, метод филологической регионалистики, позволяющий провести сравнительный анализ универсального регионализма прозы Шолохова с творчеством, например, Фолкнера, Гарсиа Маркеса или Айтматова.

Творческий путь Шолохова на всем его протяжении разворачивался под внимательным не всегда беспристрастным литературно-критическим взглядом. К началу XXI в. наука о Шолохове продемонстрировала беспрецедентное стояние, несмотря на активную силу постоянно «натянутых вожжей», сдерживающих ее разбег небылицами о плагиате, возрасте или социальном происхождении писателя. И все же отечественная и зарубежная литературная критика вместе с читательскими отзывами сформулировала обоснованные оценки произведений Шолохова, сформировала адекватное отношение к нему как выдающемуся мыслителю, художнику-самородку с мощной интуицией провидца, не сломленному под ударами «века железного», писателю, которому судьбой было предначертано создать и оставить человечеству заверченный портрет России XX в. в ее крушении и величии. Шолохов хорошо понимал происходящее с Россией не только в начале, но и к концу столетия и потому озвучил свою оценку, обращаясь незадолго до кончины к младшему сыну. Сегодня она широко цитируется, ее, к примеру, со ссылкой на В. Осипова приводит Т. Полозова: «Когда там, по вашим учебникам гражданская закончилась? Нет, милый мой, она и сейчас еще идет. Средства только иные. И не думай, что скоро кончится» [4]. Творческая планида художника пришлась на исторический период, когда новым субъектом истории стали массы. Шолохов поставил своих литературных героев в «коловерть» народной жизни, в «дурную

бесконечность, затягивающую в свою центростремительную воронку одну жизнь за другой». Он воспринял историческую и культурную ситуацию XX в. как глубоко трагический, но исторически закономерный этап национальной жизни, показал революцию как явление онтологического масштаба, катарсически художественно вскрыл вход в бездну губительного бытия. Именно «судьба человека», идея необходимости его спасения стали апофеозом творчества и смыслом гражданского поведения писателя.

Характерные особенности и закономерности развития науки о Шолохове, ее движущие силы и тормозящие явления, коренные или привходящие черты и тенденции в их неразрывных связях с социальной и интеллектуальной историей позволяет исследовать *проблема периодизации*. Существует несколько попыток периодизаций шолоховедения. Систематизация «Истории изучения жизни и творчества М. Шолохова» В.В. Гуры и Ф.А. Абрамова: 1923–1932, 1933–1945, 1946–1955, 1956–1960 (см.: [1]) – наиболее не только известная, но и по-своему аргументированная и востребованная литературоведением. В ней есть свой резон, тем более, если учесть, что это, пожалуй, первая серьезная попытка хронологического членения развития науки о писателе. Однако фактически и логически обоснованным в ней можно считать лишь первый период, т. е. до журнальных публикаций первой книги «Поднятой целины» и третьей книги «Тихого Дона», до появления первых откликов на них. Два последующих периода (1933–1945, 1946–1955) В.В. Гурой и Ф.А. Абрамовым связываются не столько с вехами творчества писателя и его изучения, сколько с историческими и общественно-политическими событиями в стране. Четвертый период (1956–1960) как обоснованную границу имеет лишь в своем завершении (полностью опубликована вторая книга «Поднятой целины»). Есть и гипотеза Ю. Дворяшина, в соответствии с которой 1950-е гг. стали временем «формирования шолоховедения как одной из ветвей отечественной науки о литературе» [5, с. 48]. Будет слишком расточительным изъять из литературы о Шолохове предшествующие двадцать пять лет достаточно яркого обсуждения его наследия.

Видимо, более продуктивным может стать членение шолоховедения на его пути к постижению творческой индивидуальности Шолохова все же в основе с хроникой публикации его ведущих произведений, этапных не только для творчества писателя, но и всей истории литературы, как правило, вызывающих огромное количество литературно-критических оценок. Следует учитывать и сконцентрированность во времени творческого пути самого автора «Тихого Дона», и деление критики на писательскую и «профессиональную»: они имеют свою специфику. Два *этапа* развития науки о писателе объединяют разные взаимосвязанные периоды: прижизненная литературная критика 1924–1984-х гг. и шолоховедение 1985–2000-х гг. Внутри этих этапов с учетом разных факторов выделяются отдельные периоды. Их, по меньшей мере, шесть.

Первый период (1924–1932), по характеру оценок как бы *прогностический*, превентивный. Он включает первые отклики на ранние произведения, объединенные в сборнике «Донские рассказы», зафиксировавшие в творчестве Шолохова период созревания творческого потенциала художника. «Все данные за то, что т. Шолохов разворачивается в ценного писателя, – только учиться, только работать над каждой вещью, не торопиться» (1926), – писал в предисловии к изданию «Донские рассказы» А. Серафимович. Заметила выход первой книги и критика. В рецензиях на второй сборник Шолохова – «Лазоревая степь» (1926) – даже осуществлялась попытка проследить творческий рост молодого писателя. Уже в этот период критика о Шолохове обнаружила две черты, характеризующие, с одной стороны, критику советскую с ее стремлением быть источником формирования литературной ситуации, с другой – свойственную русской национальной критике с ее обращенностью к социально-нравственной проблематике. Кроме того, шолоховедение в этот период вынужденно было ограничено пределами официальной идеологии тех лет, хотя и пыталось их преодолеть.

Продолжение прогностического периода связано с публикацией на страницах «Октября» и других изданий первой и второй книг «Тихого Дона». Это время *первой полемики* о романе. Журнал «На литературном посту» (1928. № 4. С. 85) сообщил, что «Тихий Дон»

«является одним из лучших произведений нынешнего журнального сезона», а 1 октября открылся пленум РАПП с общим докладом А. Фадеева и содокладом В. Ермилова «О «Тихом Доне». Отзывы о романе печатались в журналах («Новый мир», «Красная новь», «Молодая гвардия», «Звезда», «Октябрь», «На литературном посту» и др.), в столичных газетах («Правда», «Комсомольская правда», «Читатель и писатель» и др.), в областной печати, главным образом ростовской («Молот», «На подъеме» и др.). Высоко оценивали роман читатели. На страницах «Правды» (1928. 19 апреля. С. 6) А. Серафимович сравнил писателя с орленком, который неожиданно размахнул крыльями, и крылья оказались широкими, орлиными. С восторгом прочитал роман М. Горький. В одном из писем от 31 декабря 1928 г. он писал: «Шолохов, судя по первому тому, – талантлив... Каждый год выдвигает все более талантливых людей. Вот – это радость. Очень, анафемски талантливая Русь» (см.: «Новый мир». 1937. № 6. С. 19). Однако рапповская критика вскоре сменила милость на гнев и повела решительное наступление на Шолохова в духе нападков на т. н. «попутчиков». Именно в ходе этого обсуждения (1928–1930) еще не завершенного романа руководство РАПП обвинило Шолохова в «плагиате». Борьба в литературной критике обострилась.

В период первой дискуссии о «Тихом Доне» была осуществлена первая попытка оценить особенности шолоховского языка. Профессор А.В. Миртов на страницах журнала «На подъеме» утверждал: говоры донских казаков, на которые опирается Шолохов, «являются повторением великорусских говоров» и одновременно предполагал, что в районе, где живет Шолохов, «следует ожидать тамбовско-воронежско-орловских особенностей в говоре и следы украинского языка» («На подъеме». 1929. № 4. С. 73-74), а А. Селивановский в статье «Тихий Дон» обратил внимание на специфику жанра романа, назвал его «роман-эпопея» и написал: «Масштаб романа необычайно велик, равного ему не знает советская литература» [6, с. 56].

Второй период – период становления отечественной школы шолоховедения (1933–1946), ведущим направлением которой уже в эти годы стало пристальное изучение творческой индивидуальности художника, связан

с реакцией критики на публикацию первого тома «Поднятой целины», описывающего, как тогда писали, «действительность в упор», а также третьей и четвертой книг «Тихого Дона». Этот период можно назвать временем широкого признания литературной критикой факта рождения великого писателя с его великими романами. Это ощущала и зарубежная критика. Мгновенно отреагировало парижское «Возрождение» заметкой «Гулливвер. Литературная летопись. Новый роман Шолохова» В. Ходасевича и Н. Берберовой («Возрождение». 1932. 21 апреля). «Вольное казачество» перепечатало из краковского литературного еженедельника «Kuryer Literacko-Naukowy» статью польского писателя Т. Парницкого «Современный советский роман – прекрасный ренессанс эпоса». «То, что именно советский роман – что действительно звучит парадоксально, – писал о «Тихом Доне» и «Поднятой целине» Т. Парницкий, – становится инициатором в деле оживления и возрождения великих художественных форм – все это является заслугой огромного таланта и просто неправдоподобной у советского писателя литературной культуры Михаила Шолохова... Нужно признать, что Шолохов – первый писатель советский, в то же время один из первых европейских авторов, сознательно возвратившийся к чистым эпическим формам, – вышел из этой пробы победоносно... Эпические достоинства «Тихого Дона» предрасположили Шолохова принять на себя дело возрождения литературного большого романа эпического характера. Достиг он этого в романе «Поднятая целина» – бесспорно наилучшем повествовательном произведении этого типа со времен трилогии Сенкевича» [7, с. 16]). Парницкий расценил не только «Тихий Дон», но и «Поднятую целину» как «вершинное достижение Шолохова». Отечественная критика продолжала функционировать в своем вульгарно-социологическом изводе. Как писал о «Тихом Доне» В. Гоффеншефер в своей монографии, даже после ликвидации РАПП вульгаризаторы продолжали твердить о «не совсем наших» идеях «Тихого Дона»: «идеализации казачьего быта», «абстрактном гуманизме», «биологизме», «пантеизме», «объективизме» [8, с. 59]. И все же в целом шолоховедение меняло тон своих публикаций, стремилось к анализу разнообразной про-

блематики и объективности оценок. К этому располагала функциональная жизнь шолоховских творений: «Тихий Дон» уже читался за рубежом, а «Поднятая целина» активно переводилась на языки народов СССР.

После 1932 г., когда в официальной печати появился термин «революционный, социалистический реализм», а в 1934 г. на Первом Всесоюзном съезде советских писателей была дана теоретическая формулировка метода, с его позиций начиналось рассмотрение и опубликованных книг «Тихого Дона» и «Поднятой целины». Декларативная критика и догма социалистического реализма распространялись прежде всего на роман о коллективизации как злободневном событии жизни тех лет. Именно этот роман оказался в центре внимания литературной общественности, отклики о нем не сходили со страниц журнальных и книжных обзоров, специальных статей и рецензий. По утверждению В.В. Гурь, «за один лишь 1933 г. было опубликовано более двадцати статей, посвященных только «Поднятой целине». Сам Гурь подчеркивал мысль о том, что этот роман явился «важным этапом в развитии советской литературы, в утверждении метода социалистического реализма, образцом этого метода, книгой, запечатлевшей ведущие социалистические тенденции нашего времени» [1, с. 30]. Высоко оценил «Поднятую целину» М. Горький, назвал ее «значительным произведением», «интересным романом» [9, с. 69]. Писательскую критику начала 1930-х гг. представлял и Г. Никифоров, прочитавший в «Поднятой целине» философию народной борьбы. «Все, к чему бы ни прикоснулось талантливое перо Шолохова, тотчас же оживает. Шолохов умеет выдержать нужный тон, и нигде, ни в одной строке вы не найдете лживой приподнятости или кликушества, что является обычно признаком импотенции духа и неоспоримым доказательством бесталанности писателя. Шолохов талантлив, а потому и не криклив» [10, с. 1]. А.В. Луначарский определил роман Шолохова как мастерский, в котором сплавлены воедино форма и содержание: «Очень большое, сложное, полное противоречий и рвущееся вперед содержание одето здесь в прекрасную словесную форму» [11, с. 3].

Однако критика 1930-х гг. в оценке «Поднятой целины» не была единодушной.

Роман часто противопоставлялся всему предшествующему творчеству писателя, а творческий путь художника представлялся как путь преодоления недостатков, свойственных автору первых книг «Тихого Дона» [12]. Он писал о статичности образа Давыдова. Подобная оценка была свойственна и подходу В. Гоффеншефера к образам большевиков [13, с. 212]. Сложным было отношение критики и к другим героям романа, Нагульнову, Разметнову, Островнову и даже Щукарю. Его объявляли «деревенским Хлестаковым», «рвачом и приспособленцем», «Санчо Пансо», «продуктом деревенского идиотизма», «пустозвоном» и образом, служившим комическому разряжению драматических ситуаций в романе.

В процессе именно этого обсуждения «Поднятой целины» были опубликованы две достаточно яркие работы Л. Мышковской – «О «Поднятой целине» Шолохова» [14; 15]. В языке романа она отметила две языковые струи: с одной стороны – «мужицко-народную», «типическое явление толстовского стиля», с другой – «изысканно-литературную», «чуждую Толстому», идущую скорее всего от Тургенева. Мышковская одной из первых заговорила об особенностях драматического и комического начал в шолоховском повествовании, о роли шолоховских пейзажей, которые станут предметом постоянного интереса исследователей до наших дней.

В 1936 г. в ГИХЛ издана новая монография В. Гоффеншефера, много сделавшего для изучения и популяризации творчества писателя, накануне, в 1935 г. издавшего интересную историко-литературную и литературно-теоретическую работу «Судьбы новеллы», – «Мировоззрение и мастерство», где пытался определить художественный метод Шолохова, реализованный в его прозе. Таким методом был назван социалистический реализм: «социалистический реализм – это не образец новой выкройки из журнала мод на 1932 год, а нечто более значительное и долговечное, органически свойственное творчеству художника, глядящего на мир глазами строящего социализм класса». Однако в тот период шолоховедение, сориентированное на решения Первого Всесоюзного съезда советских писателей, все же всерьез методологическую и теоретическую проблему метода практически не осваивало.

Литературная критика о творчестве Шолохова, в 1930-е гг. преимущественно публицистическая, развивалась достаточно активно. С 1934 г. одно за другим вышли отдельные издания [16–18]. Уже во второй половине 1930-х гг. появлялись работы с оценками отдельных героев шолоховского романа [19; 20]. Критики заложили своего рода основу для дальнейшего изучения характеров этих героев. Появлялись материалы со сравнительным анализом «Поднятой целины» и «Тихого Дона». Одна из таких публикаций принадлежит И. Машбиц-Верову. В статье «Михаил Шолохов» [21] критик, во многом повторяя рапповские оценки, рассматривал «Поднятую целину» как первое в творчестве писателя «пролетарское произведение», а отдельные сюжеты «Донских рассказов» рассматривал в качестве отдельных сцен «Тихого Дона». Большой резонанс вызвало утверждение Гоффеншефера: «Надо раз и навсегда, – писал он в статье «Книги Михаила Шолохова», – разрушить легенду, созданную реакционными гурманами и литературными обывателями, легенду о том, что «Поднятая целина» ниже по своим художественным достоинствам, чем «Тихий Дон» [22].

Большим бесспорным недостатком литературной критики 1930-х гг. было нечастое обращение к историко-литературному контексту, в котором формировалось и развивалось творчество автора «Донских рассказов», «Поднятой целины» и «Тихого Дона». Не всегда удачными были и редкие аналогии. В 1934 г. вышла книга В. Гречишников «Творчество Панферова», на страницах которой автор сравнивал двух писателей и заключал, что герои и пейзажи Панферова в отличие от шолоховских написаны пером писателя-новатора. Иными по уровню были оценки Л. Левина. В своей статье он говорил о новаторстве «Поднятой целины», где художнику «удалось написать живые и правдивые человеческие образы. Роман Шолохова является подлинно народным произведением нашей литературы, чего – хотя и в разной степени – нельзя сказать о романах Эренбурга и Ясенского. Эти романы («Не переводя дыхания», «Человек меняет кожу». – Л. П., Н. С.) и не могли стать народными, ибо в них не созданы большие человеческие образы, которые были бы близки массам и любимы ими» [23, с. 224-225]. Критик говорил о на-

родности как отличительной особенностью шолоховского таланта, о национальной специфике его творчества, о продолжении им великих традиций русской литературы и подлинном новаторстве его как художника, выразившемся в раскрытии новых человеческих отношений, в создании ярких человеческих характеров. Из молодых прозаиков в контекст прозы Шолохова уже тогда были поставлены А. Калинин, Н. Сухов, Арк. Первенцев.

Достаточно широко в этот период обсуждалось творчество Шолохова в дискуссии о языке, открытой М. Горьким. Писатель поддержал М. Горького в его борьбе «за очищение литературы от словесного хлама». Он выступил со статьей «За честную работу писателя и критика», признался, что и он иногда злоупотребляет «местными речениями» [24, с. 2]. В дискуссию вступил тогда А. Серафимович. «У Шолохова, прекрасного писателя, – отвечал он М. Горькому, – не только весь диалог насыщен словами местного говора, но эти слова очень часто мелькают в его собственной речи. Предать его анафеме? Да ничуть, – это сообщает ему живой местный колорит, и ничего тут страшного нет, ибо у него чутье и чувство меры». Именно на этих вопросах остановился Б. Ларин в своей специальной статье «Диалектизмы в языке советских писателей» [25]. Анализируя «Поднятую целину», он продемонстрировал роль диалектных слов и выражений в творчестве Шолохова, его языковое мастерство, завораживающую силу писательской речи и речи персонажей романа. Формально-лингвистическая классификация шолоховских диалектизмов приведена в статье С. Голованенко «Натуралистический элемент в языке Шолохова» [26]. Писала об особенностях языка шолоховских героев и Л. Мышкова [27].

Большой успех романов Шолохова в 1930-е гг. у писателей (А. Серафимович, Новиков-Прибой, Тренев, Вяч. Шишков, Фадеев, Сурков, В. Катаев, Погодин, Первенцев, Калинин) обеспечил громадный интерес к личности писателя, к тому времени получившего признание как общественный и государственный деятель. Жизнь и деятельность Шолохова активно освещались в отечественной печати. С 1935 г. творчество Шолохова вошло в программу средней школы, в этом году вышел учебник Л.М. Поляк и

Е.Б. Тагера «Современная литература», в который впервые была введена глава о жизни и творчестве автора «Тихого Дона» и «Поднятой целины».

Уже в начале 1930-х гг. «Тихий Дон» переводился на иностранные языки. Он издавался в Германии, Франции, Чехословакии, Испании, Швеции, Китае, Дании, Венгрии, Англии, Америке. В 1933–1936 гг. на иностранные языки (французский, польский, чешский, шведский, немецкий, английский, норвежский, китайский, болгарский, испанский и др.) переведена и «Поднятая целина». Возвращаясь из зарубежных поездок и отмечая большой интерес к советской литературе за границей, А. Толстой сообщал, что особенно хорошо там знают Шолохова [28, с. 2]. Высокую оценку творчеству писателя давали крупнейшие зарубежные писатели (Г. Уэллс, Р. Роллан, Л. Фейхтвангер и мн. др.) [29].

В 1938–1940 гг. закончилась журнальная публикация «Тихого Дона», а параллельно был издан первый коллективный сборник статей о жизни и творчестве писателя (Михаил Шолохов. Сб. статей. Ростов н/Д, 1940). Среди многочисленных откликов читатели с наибольшим интересом читали заметки и статьи В. Гоффеншефера, которые публиковались с мая 1938 г. по 1940 г. и стали основой его книги «Михаил Шолохов. (Критический очерк)» (1940) [30–35]. Это была первая научная монография о писателе. Уже широко известный, к тому времени ставший, пожалуй, ведущим литературным критиком в шолоховедении, он писал о том, что никогда еще думы и переживания простого крестьянина не были представлены в столь широком изображении, в такой тонкой психологической трактовке, в таком многообразии социальных, психологических и лирических оттенков, как они представлены в «Тихом Доне» в думах и переживаниях Григория. Он обратил внимание на переживания простой крестьянки, которые никогда не были отражены так глубоко и в таком богатстве оттенков, как представлены в образе Аксиньи, вырастающем до высоты классических образов. Книга В. Гоффеншефера вскоре попадет во внимание участников острой дискуссии о «Тихом Доне», так же, как и работа И. Лежнева «Михаил Шолохов. Критико-биографический очерк». Оживившаяся критика вокруг «Тихого Дона», ее всплеск освежили литера-

турную критику тех лет вообще, заставив ее как бы воспрянуть. Poleмика вокруг романа оказала на нее стимулирующее воздействие.

Весьма активной в оценке романа была писательская критика. Вяч. Шишков в письме к Л. Когану от 21 мая 1940 г. писал: «С радостью читаю 7-ю и 8-ю части (конец) «Тихого Дона». М. Шолохов бесспорный и самый большой писатель. Он знает самые затаенные движения человеческих душ и с большим мастерством, по-серьезному умеет показывать это. Даже самые случайные его герои, жизнь которых началась и закончилась на одной и той же странице, надолго остаются в Вашей памяти. Правда, есть и промахи, например, излишне щеголяет он своими (всегда прекрасными) пейзажами. Но во всяком разе, по моему мнению, «Тихий Дон» занимает в советской литературе первое место» [36, с. 324].

В 1941 г. увидело свет отдельное издание «Тихого Дона» с вступительной статьей Ю. Лукина. Именно в это время входят в шолоховедение Ю.Б. Лукин и И. Лежнев, которые займут в науке о писателе видное место. По сути, с этого момента начинается дискуссия о завершенном «Тихом Доне», сосредоточившаяся в основном на финале романа и содержании образа Григория. Это была вторая полемика (первая, как помним, была организована после публикации первых двух книг романа). С выступлений в печати Ю. Лукина «Окончание «Тихого Дона» и Гоффеншефера «Тихий Дон» закончен...» начнется новый и очень интересный *период первой исторической дискуссии о «Тихом Доне»*, связанный с первым полным изданием заверченного романа. Ее оценки будут резонировать на страницах трудов крупных шолоховедов вплоть до середины 1980-х гг. «Эта книга – подлинная трагедия, – писал о «Тихом Доне» Ю. Лукин. – Те читатели, которые ожидали счастливого конца, ошиблись. Но ошиблись и все. Конец романа необычайно сложен и в то же время ошеломляет очевидной, исключаяющей все другие варианты, верностью решения. Судьба Григория оказалась тяжелой и мрачной. Первое ощущение после того, как прочтешь эту книгу, – ощущение большого потрясения». Ю. Лукин поставил вопрос о типичности образа Мелехова как человека, не нашедшего своего пути в революции. Как и предполагал

Шолохов, именно последняя часть «Тихого Дона» вызвала разноречивые толки и суждения среди тех, чьи ожидания были обмануты. Многочисленные статьи В. Гоффеншефера и его монография были поддержаны М. Чарным, В. Ермиловым и другими критиками в дискуссии на страницах «Литературной газеты».

Первое публичное обсуждение «Тихого Дона» состоялось 19 мая 1940 г. в Клубе писателей ССП СССР. В нем приняли участие В. Гоффеншефер, Ю. Лукин, В. Перцов, В. Кирпотин, А. Лейтес, И. Экслер, А. Бек и др. Здесь еще раз со статьей «Большое явление в литературе» выступил Лукин. Литгазетовская дискуссия продолжалась пять месяцев. Критиков больше всего интересовала судьба Григория, ее финал, звучали намеки на целесообразность переработки четвертой книги. Особенно активно защищал героя от автора и упрекал писателя в жестоком обращении с ним М. Чарный, по мнению которого Мелехов непременно должен был прийти в ряды защитников советской власти, ибо такой «конец подготовлен самой логикой развития образа». Этот критик объявил образ Григория нетипическим [37, с. 4]. Со статьей «О «Тихом Доне» и о трагедии» выступил В. Ермилов, совершенно серьезно утверждавший, что «название романа иронично, что тема его восьмой части мелка, а «трагическая вина» Аксиньи состоит в том, что она полюбила Григория. Критик отказывал «Тихому Дону» в эпическом масштабе произведения, а Григорию Мелехову «в праве на трагедию», говорил «о известной художественной неясности» восьмой части романа. Главной заслугой Шолохова считал открытие им казачества [38, с. 3].

В резкую дискуссию с М. Чарным, В. Ермиловым и другими в оценке романа вступили в своих статьях «Две души» И. Лежнев и «О «Тихом Доне» и его критиках» Б. Емельянов. «Центр спора, вокруг которого по самым причудливым кривым вращаются все предположения критиков, мимо которого пролетают, не возвращаясь, метеоры их догадок, есть, несомненно, вопрос: является ли «Тихий Дон» произведением трагическим, а Григорий Мелехов героем трагедии? – писал Емельянов. – Это ни в коем случае не проблема формы или жанра – это кардинальный вопрос, решение которого необходимо как для понимания позиции критики, так и для

выяснения смысла романа Шолохова». Критик, опираясь на литературно-теоретическую и философскую классику, предложил свои подходы к проблеме трагического, «трагической вины», к формулированию особенностей жанра трагедии. Работа Б. Емельянова ярко выделялась из литературно-критических сочинений своих современников именно разработкой эстетики трагического: «Трагично лишь то, что могло и не быть, что порождено з а б л у ж д е н и е м представителей угнетенного класса, мешающих делу своего освобождения. Выступление против своих освободителей – самое страшное, подлинно трагическое, что может произойти во время гражданской войны. Потому-то казацкое восстание на Дону – результат «всемирно-исторического заблуждения» основных масс казачества, – продолжавшееся в течение четырех лет, может служить темой произведения трагического». Одна из главок основательной статьи Емельянова называется «Имеет ли Григорий Мелехов «право на трагедию?» Исследователь прямо заявил: «...критики лишены чувства истории», когда они «колебания между двух начал» Григория настойчиво объясняют «его личной слабостью и бессилием разобраться в окружающем мире... Чудовищная ошибка!...». «Критика не заметила, что конец «Тихого Дона» мыслим только в контрасте с нашим настоящим. Огромный оптимизм, торжество победы и пафос преодоления – он здесь, среди нас и лишь рядом с современной действительностью может существовать финал романа», – отвечал Емельянов тем критикам, кто в финале произведения усмотрел картину безысходного пессимизма. Это был ответ и своеобразному пониманию «Тихого Дона» И. Лежневым в его статье «Две души (О «Тихом Доне») М. Шолохова», где он усматривал в сознании Мелехова борьбу «извечных начал»: с одной стороны, начало, коренящееся «в собственнических инстинктах, сословных предрассудках», с другой – «благородное, высоконравственное, рыцарское начало», идущее от «седой и воинственной старины, от вольнолюбивого казачества», от его «исконной нравственности».

Споры вокруг «Тихого Дона» в сентябре 1940 г. возобновились на заседаниях литературной секции Комитета по Сталинским премиям. Возглавлял комитет В.И. Немиро-

вич-Данченко, председателем секции литературы был избран А.Н. Толстой. Особым решением общего собрания Комитета в секцию литературы был введен и Шолохов. Споры продолжались вплоть до января 1941 г. Здесь полемика была сосредоточена не только на финале романа, но и вокруг вопроса об «областничестве» Шолохова. А. Толстой, не поддержав концепцию «областной ограниченности» и отстаивая закономерность финала романа, полагал, что иначе закончить эпопею «Шолохов, как честный художник, не мог». Особое внимание он обратил на «народный язык» писателя [2, с. 173].

Итоги дискуссии о «Тихом Доне» начала 1940-х гг. подвел В. Щербина. Он сформулировал не только основные выводы, но и перспективу дальнейшего изучения романа [39]. Одной из перспектив было обозначено изучение художественного мастерства писателя, которое активно и целенаправленно уже началось в основном в этот условно третий период отечественного шолоховедения [40–43].

По свидетельству Ф. Абрамова и В. Гурь, с июня 1941 г. по май 1945 г. не было опубликовано ни одной статьи о романах Шолохова. Лишь в связи с 25-летием Октября по всей стране прошли литературные чтения, в которых большое место отводилось и творчеству Шолохова. В ноябре 1942 г. на юбилейной сессии Академии наук СССР с докладом «Четверть века советской литературы» выступил А.Н. Толстой. Он вернулся к оценке «Тихого Дона», подчеркнул, что сама жизнь разрешила те литературные споры, которые развернулись перед войной главным образом вокруг характера Мелехова [44].

В годы Великой Отечественной войны необычайно возрос авторитет советской литературы за рубежом. На страницах ежемесячника «Харперс мэгвезин» «Тихий Дон» единодушно признавался лучшей книгой последнего времени. Американский критик С. Силлен писал, что «Тихий Дон» является «монументальным литературным трудом, чья красота, широта и сила изображения должны быть прославлены всюду, где любят хорошую литературу». Зарубежная критика сравнивала «Тихий Дон» с «Войной и миром», а о самом Шолохове говорилось, что он «стоит в первом ряду европейских писателей нашего времени». После публикации в 1942 г. рассказа Шолохова «Наука ненависти»

в центральной печати он оценивался как «волнующее произведение о русских людях, их мужестве в эпоху Отечественной войны и ненависти к врагу» [45]. Обстоятельно анализировался рассказ в статье О. Резника «Художественная публицистика в годы войны» в «Новом мире» [46].

В мае 1943 г. на страницах «Правды» началась публикация глав из нового романа Шолохова «Они сражались за Родину». В самом названии уже содержался очередной подвиг писателя. Воениздат осуществил ряд выпусков этого произведения. Н. Тихонов отметил эпичность развернутого писателем повествования, новый рост шолоховского таланта и констатировал: писатель задумал трудное дело, показывая правду войны, ее будни, тяжелые дни отступления и вместе с тем, как «в сердце бойца рождается ярость» [47, с. 28]. В западноевропейских литературных кругах уже в конце войны открылась дискуссия о том, кто же будет автором новой «Войны и мира», посвященной Второй мировой войне. Критики сходились на мысли, что такая книга может быть создана только в России, ее автором может быть Шолохов.

Продолжение в следующем номере.

1. *Гура В.В., Абрамов Ф.А.* М.А. Шолохов. Семинарий. Л., 1962.
2. *Шолохов М.А.* Собрание сочинений: в 9 т. М., 2001–2002.
3. *Шолохов М.А.* Поднятая целина: в 2 кн. Екатеринбург, 2001.
4. *Полозова Т.* Народный художник // Слово. 2003. № 1. С. 52–54.
5. *Дворяшин Ю.А.* Шолохов и русская литературная классика второй половины XX века. М., 2008.
6. *Селивановский А.* Тихий Дон // На литературном посту. 1929. № 10.
7. *Иностранцы о Михаиле Шолохове* // Вольное казачество. 1934. № 153.
8. *Гоффеншефер В.* Михаил Шолохов. Критический очерк. М., 1940.
9. *Горький М.* Собрание сочинений: в 30 т. М., 1953. Т. 27.
10. *Никифоров Г.* Поле битвы // Литературная газета. 1933. 29 марта.
11. *Луначарский А.* Мысли о мастере // Литературная газета. 1933. 11 июня.
12. *Чарный М.* Пафос людей и пафос событий. «Поднятая целина» Михаила Шолохова // Октябрь. 1933. № 7. С. 195–196.

13. *Гоффеншефер В.* Книга Михаила Шолохова // Литературный критик. 1937. № 10-11.
14. *Мышковская Л.* О «Поднятой целине» Шолохова // Красная новь. 1933. № 5.
15. *Мышковская Л.* Язык «Поднятой целины» // Рост. 1934. Март.
16. *Макарьев И.* К прошлому нет возврата. О романе М. Шолохова «Поднятая целина». М., 1934.
17. *Чарный М.* В чем сила «Поднятой целины». М., 1934.
18. *Чеховской И.* О «Поднятой целине» М. Шолохова. Критический очерк. Курск, 1936.
19. *Гоффеншефер В.* Давыдов // Литературное обозрение. 1937. № 19-20. С. 36-41.
20. *Кравченко И.* Дед Шукарь («Поднятая целина» М. Шолохова) // Резец. 1939. № 13-14.
21. *Машбиц-Веров И.* Михаил Шолохов // Молодая гвардия. 1934. № 7. С. 146-153.
22. *Гоффеншефер В.* Книги Михаила Шолохова // Литературный критик. 1937. № 10-11.
23. *Левин Л.* Человеческий материал // Звезда. 1936. № 5.
24. *Горький М.* За честную работу писателя и критика // Литературная газета. 1934. 18 марта.
25. *Ларин Б.* Диалектизмы в языке советских писателей // Литературный критик. 1935. № 11. С. 226-230.
26. *Голованенко С.* Натуралистический элемент в языке Шолохова // Звезда Севера. Архангельск, 1935. № 4.
27. *Мышковская Л.* Язык как средство создания образа // Литературная учеба. 1939. № 7. С. 71-73.
28. *Толстой А.* Зарубежные впечатления // Литературный Ленинград. 1936. 23 нояб.
29. Михаил Шолохов. Летопись жизни и творчества (материалы к биографии) / сост. Н.Т. Кузнецова. М., 2005.
30. *Гоффеншефер В.* Седьмая часть «Тихого Дона» // Литературное обозрение. 1938. № 10 (20 мая). С. 42-47.
31. *Гоффеншефер В.* Распад семьи Мелеховых (заметки о седьмой части «Тихого Дона») // Литературный критик. 1938. № 5. С. 138-150.
32. *Гоффеншефер В.* Мастерство и правда // Литературная газета. 1938. 10 июня.
33. *Гоффеншефер В.* Персонажи Шолохова // Литературная газета. 1939. 26 авг.
34. *Гоффеншефер В.* Заметки о «Тихом Доне» // Литературное обозрение. 1940. № 6 (20 марта). С. 3-9.
35. *Гоффеншефер В.* «Тихий Дон» закончен... // Литературный критик. 1940. № 2. С. 86-105.
36. *Шишков В.Я.* Неопубликованные произведения. Воспоминания о В.Я. Шишкове. Письма. Л., 1956.
37. *Чарный М.* О конце Григория Мелехова и конце романа // Литературная газета. 1940. 26 июня.
38. *Ермилов В.* О «Тихом Доне» и о трагедии // Литературная газета. 1940. 11 авг.
39. *Щербина В.* «Тихий Дон» М. Шолохова // Новый мир. 1941. № 4. С. 192-219.
40. *Лежнев И.* Шолохов-новеллист // 30 дней. 1940. № 7-8.
41. *Боровой Л.* Новые слова // Красная новь. 1940. № 9-10.
42. *Левин Л.* Из темы о «Тихом Доне» // Литературный современник. 1941. № 5.
43. *Кравченко И.* Шолохов и фольклор // Литературный критик. 1940. № 5-6.
44. *Толстой А.Н.* Доклад на юбилейной сессии Академии наук СССР, 18 ноября 1942 г. М., 1943.
45. *Мясников А.* Литература и война // Октябрь. 1942. № 11.
46. *Резник О.* Художественная публицистика в годы войны // Новый мир. 1945. № 11-12. С. 292-295.
47. *Тихонов Н.* Отечественная война и советская литература // Большевик. 1944. № 3-4.

Поступила в редакцию 29.10.2012 г.

UDC 82.09.001.8

SHOLOKHOV STUDY. MATERIALS TO ENCYCLOPEDIA

Larisa Vasilyevna POLYAKOVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of RF, Member of Russian Writers Union, e-mail: ruslit09@rambler.ru

Natalia Vladimirovna SOROKINA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian and Foreign Literature Department, e-mail: sorok_tam@rambler.ru

The workers of World Literature Institute named after A.M. Gorkiy RAS and scientists of other centers and Universities completed the of "Sholokhov encyclopedia". It presented itself the first and unique experience of science about Sholokhov in conceptual encyclopedic description of life and work scientist of Russian literature. The publication of the work will be in the middle of 2013. For the fundamental article "Sholokhov study" writing the Doctors of Philology, Professors of TSU named after G.R. Derzhavin L.V. Polyakova and N.V. Sorokina were invited. During the work the authors collected, systemized a huge material and explained the presentations about evolution of home Sholokhov study during 1924–2012. "Tambov University Review" offers to the readers the whole variant of the research.

Key words: home school of Sholokhov study; systematization of scientific knowledge; periodization; achievements and discoveries; discussion questions; tasks and perspectives.